

Культура

«Романы среди своих учеников я приветствую»

Мария БАБАЛОВА

— Если бы Свешников фактически не заставил вас прийти в училище, сделав своим преемником, как сложилась бы ваша судьба?

— Скорее всего так же. Я очень люблю педагогическую работу. С 1958 года, сразу после окончания консерватории, я все время работал в высших учебных заведениях. Одно время трудился вместе с Локтевым в его ансамбле, а в 1970 году в моей жизни появился детский хор радио и телевидения.

— А легко совмещаются педагогическое — альтруистическое по своей природе амплуа и творческое — амплуа эгоистическое?

— Одно дополняет другое. Тот человек, который одновременно занимается творчеством и педагогией, должен пропускать через себя многие из тех проблем, которые он наверняка не заметил бы, будь он только исполнителем. И это дает толчок и творчеству.

— В стенах хоровой академии вы решили воспитывать еще и оперных звезд. Но ведь, казалось бы, хор подавляет индивидуальность...

— Совсем нет. Многие выдающиеся оперные певцы не прошли мимо хора.

— При этом, обычно воспринимая хор как неизбежную повинность...

— Это другое дело. Есть, конечно, ребята, которые сопротивляются. Они многое теряют. Потом оказывается, что уже поздно, пропустили. Когда в хор объединяются не музыканты, а просто певцы, хор становится в тягость. Но хор никогда не давит. Хор не уничтожает голос и личность человека, а, наоборот, дает широкое поле для раскрытия талантов. Войти в касту великих оперных исполнителей дано не каждому, а стать профессиональным певцом-музыкантом, чтобы ты был нужен коллективу, это очень важно. Когда на сцену выходит наш воспитанник, он сразу оценивает дирижера и помогает ему, а не портит работу. А тот, кто не получил такого образования, становится для дирижера довольно трудной историей. Мы это ощутили, когда стали брать ребят, которые имеют чисто вокальное образование. Во многих учебных заведениях вокалистам многое списывают за приличный голос. Мы их довольно быстро осаживаем.

Только певец пришел к нам, он должен широко себя показывать в самом разнообразном репертуаре. Наши ребята овладевают всей системой полноценного музыкального образования — сольфеджио, дирижирование, вокал. У нас очень много индивидуальных предметов, требующих домашней подготовки. Тут самое главное — порядок и дисциплина.

— Какими методами вы добиваетесь дисциплины?

— Оценками. Но, конечно, мальчишки должны пройти все. Мальчишка от природы очень живой организм. Он должен набедокурить — и побегать, и попрыгать, и на дерево залезть, и с него упасть, и даже руку сломать. Это естественно. Они абсолютно такие же хулиганы, какими мы были в их возрасте. Дай им волю, они за три часа здание академии разберут по кирпичику.

— А что вас сразу после войны заставило пойти не в военное, а хоровое училище?

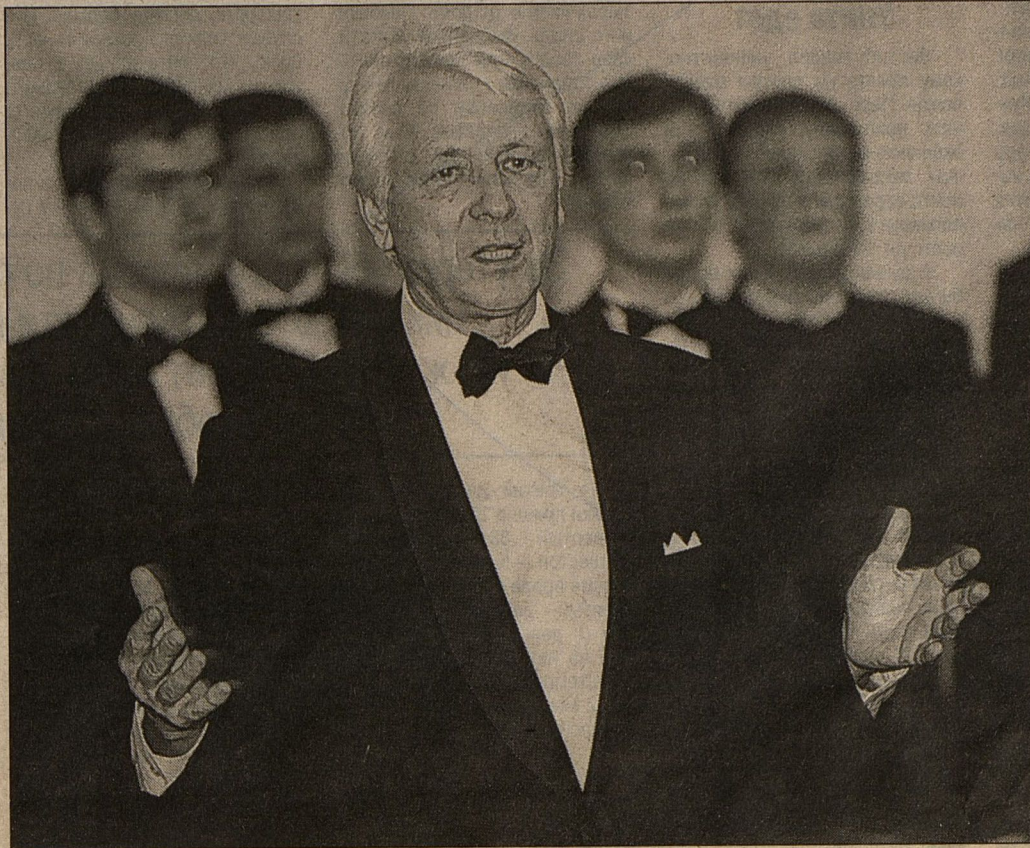
— Уже в детском саду я не только пел, но и танцевал. А взрослые этим пользовались. Пока я выступал перед дежурными на складе, взрослые что-то там доставали с полка. Но мне это занятие очень нравилось — без всякой корысти. И когда моя мать узнала, что в Москве открылось хоровое училище, меня привезли в столицу. Тогда я знал и любил только взрослые песни. Помню, я затынул Свешникову: «Не тревожь ты себя, не тревожь, про меня ничего не загадывай, а когда по деревне идешь, на окошко мое не поглядывай...». Знал я и много частушек со всякими хорошими словами... А когда я начал учиться, то выяснилось, что у меня не низкий, грубый голос, а высокий дискант. Возможность раскрыть свой голос — это настоящее счастье. Жалко, что мы потеряли детское пение. Сегодня в школах не поют. Фактически нет детских хороших коллективов, где ребята могли бы развивать тот музыкальный инструмент, который каждому человеку дарован самой природой.

— Не жаль, что ваши сыновья не пошли по вашим стопам?

— Конечно, жаль. Они сами говорят, что мне надо было брать ремень и заставлять их заниматься. У них хороший слух, они любят и понимают музыку. Но, с другой стороны, необязательно, чтобы вся семья занималась дирижированием или хоровым пением...

— На ваших глазах уже выросло не одно поколение детей. Чем они отличаются?

— Я не могу сказать, что сейчас дети хуже, чем двадцать лет назад. Если бы жизнь законсервировалась, подобные вопросы вообще отпали бы сами собой. Но постоянно происходит смена ценностей. Телевидение и радио стали совершенно другими. Те детские познавательные передачи, что я слушал, открыв рот, сегодня просто вымерли. Сегодня главная познавательная программа — это рекла-

СЕРГЕЙ ИСАКОВ

средней образовательной московской школы. И сколько мы ни просим, нашим педагогам не дают столичных надбавок, так как мы принадлежим Министерству культуры. Раньше стать педагогом было привлекательно. А сейчас педагоги получают гроши, и мы лишаемся многих талантливых людей.

— Но примерно год назад вы сделали неожиданный ход, пригласив в качестве педагога солистку Большого театра Нину Раутио.

— Да, но сейчас, к сожалению, мы вынуждены с ней расстаться. Большие певцы часто не понима-

— А вы гордый...

— Не в этом дело. Я просто острее чувствую, доставлять людям неудобства. И никому в друзья не навязываюсь.

— А главная черта вашего характера?

— Я ответственен перед своим делом. Если вдруг перед репетицией Девятой симфонии Бетховена я забуду рассказать ребятам, что такое «элизий», и они будут петь, как курки, это будет катастрофа. А когда мне не хватает знаний и умения, я нахожу внутренние резервы. Я не стесняюсь всегда учиться. Для меня написать какую-нибудь записку совсем не трудно. А у нас почти никто из ребят это сделать сегодня не может. Раньше мы много писем писали, а сейчас и вовсе на птичий язык «эсэмэсок» перешили. А человеку важно уметь высказаться. Так, после одного нашего концерта Козловский пришел домой и в двенадцать часов ночи написал мне письмо. Светланов исполнил с нами ораторию Листа «Христос» и тоже написал мне письмо.

— Отношения с какими людьми для вас оказались наиболее ценными?

— Я ценю дружбу с теми, кто не просто художник, а художник-философ. Дмитриев, Рубин, Рудольф Баршай. Ты приобретаешь что-то важное в понимании философии жизни. Некоторые встречи оказали значительное влияние на какую-то часть жизни. Уже многие годы продолжаю дружить с Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым. Стараюсь поддерживать отношения с такими сложными людьми, как Владимир Шаинский и Евгений Крылатов. Когда я работал с детским хором, творчество этих людей было основой. Ведь мы потеряли целое поколение детей, у которого не было своих песен. А дети должны петь свои песни. Может быть, не «Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди», но какая идеология, интересно, мешает нам петь «То березка, то рябина»? Что плохого в «Песне о родине»? Все свою родину любят одинаково и ни у ко-

го разрешения не спрашивают. Я с некоторой ностальгией вспоминаю свою работу в Большом детском хоре Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

— Вам не обидно, что сегодня, как правило, лавры за ваш каторжный труд на концертах достаются не вам, а дирижеру-звезде?

— В основном хор — это организм, предназначенный для пения без сопровождения. И у нас такие программы в огромном количестве, я выхожу на сцену и провожу эти концерты. Купаюсь в этой музыке, сам получаю удовольствие. Если дирижер не может быть хотя бы чуть-чуть актером, он очень много теряет. Тот, кто говорит, что внешняя сторона дела его не волнует, лукавит. Всех волнует. В творчестве это вполне естественно и даже закономерно. Правда, у меня никогда не было чисто дирижерских амбиций. Но бывали случаи, когда я вставал за дирижерский пульт симфонического оркестра. Например, Владимир Федосеев предложил мне однажды дирижировать концертом Баха и «Реквиемом» Моцарта, так как приглашенный дирижер заболел. Это не так легко, но никаких проблем не возникло.

— А почему между хормейстерами столь напряженные отношения?

— Я всегда честно относился к своему делу и никогда никаких интриг не заводил. Но каждый музыкант прежде всего человек. И если у человека есть скверные качества, влияющие не на личные отношения, а на дело, у таких людей совершенно открыто не признаю. Минин сделал очень много плохого для Гнесинского института, на который я положил жизнь. Я пятнадцать лет с удовольствием проработал в Гнесинском институте, на который я положил жизнь. Я пятнадцать лет с удовольствием проработал в Гнесинском институте, на который я положил жизнь. Я пятнадцать лет с удовольствием проработал в Гнесинском институте, на который я положил жизнь.

Завтра, 10 декабря знаменитый хормейстер и педагог, профессор Виктор ПОПОВ отмечает 70-летие.

Создатель и руководитель легендарного Большого детского хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио, он в 1991 году на базе Московского хорового училища имени А.В. Свешникова основал высшее учебное заведение — Академию хорового искусства. Юбилей Попов встретит в гастрольной поездке по Германии вместе со своими воспитанниками

в еще худшем варианте. Я просто ушел и больше не знаю с ним.

— А награды влияют на самооценку?

— Нет. Если раньше скажешь, что ты народный артист СССР, тебя выслушают, и можно чего-то добиться. Но сегодня это не имеет никакого значения. Сейчас важно только одно: насколько часто ты мелькаешь по телевизору. А я сейчас не мелькаю. Значит, меня уже почти никто не помнит. Я знаю, как часто хвалебные слова бывают неискренними. Иногда просто ситуация заставляет говорить комплименты. Я сам часто пишу что-то чрезмерное в письмах, когда пытаюсь за кого-то похлопотать. А потом эта бумажка оказывается чуть ли не документом.

— Почему вы решили уехать из Москвы на свой день рождения?

— Ничего хорошего в дне рождения нет. Особенно в тот момент, когда тебе исполняется семьдесят. Каждый день рождения прибавляет год, и только. Понимаешь, что уже стоишь на краю. Сколько там еще осталось? И спрашивается, что из этого праздника устраивать? Я что в этот день должен ходить и кричать: «Мне семьдесят, поздравьте меня!»? Не дай Бог, устроили бы вдруг какой-то праздник, стали бы меня поздравлять...

— Что вы сами себе пожелаете к юбилею?

— Здоровья. Если раньше для меня проработать с хором шесть-восемь часов было так, пустячок, то сегодня это уже трудно. И еще хочется довести какие-то дела до конца. Дай Бог, свой концертный зал, наконец, доделаем. Чечилия Бартоли, с которой мы совсем недавно вместе выступали, обещала нам рояль в подарок. Вдруг все-таки удастся построить интернат и общежитие. Правда, мы спонсорства не ждем, только на себя надеемся. Я двадцать писем написал самым крупным российским фирмам с просьбой откликнуться и помочь Хоровой академии. Ответил только один банк, и тот — вежливым отказом. Остальные вообще ни слова в ответ не черкнули. Поэтому живем, как можем.